

**Международный пакт о
гражданских и политических
правах**

Distr.: General
20 August 2015
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Сообщение № 2028/2011****Соображения, принятые Комитетом на его 113-й сессии
(16 марта – 2 апреля 2015 года)**

<i>Представлено:</i>	Мевлидой Ичич (представлена адвокатом из организации «Track Impunity Always»)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	автор и Фадил Ичич (ее сын)
<i>Государство-участник:</i>	Босния и Герцеговина
<i>Дата сообщения:</i>	10 декабря 2010 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решения Специального докладчика в соответствии с правилом 97, препровожденные государству-участнику 18 февраля 2011 года (в виде документа не издавались)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	30 марта 2015 года
<i>Тема сообщения:</i>	насильственное исчезновение и эффективные средства правовой защиты
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	право на жизнь; запрещение пыток и других видов жестокого обращения; свобода и личная неприкосновенность; право на гуманное и достойное обращение; признание правосубъектности; и право на эффективные средства правовой защиты
<i>Статьи Пакта:</i>	2, пункт 3; 6; 7; 9; 10 и 16
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	2; и 5, пункт 2 b)

Приложение

Соображения Комитета по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах (113-я сессия)

относительно

Сообщения № 2028/2011*

<i>Представлено:</i>	Мевлидой Ичич (представлена адвокатом из организации «Track Impunity Always»)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	автор и Фадил Ичич (ее сын)
<i>Государство-участник:</i>	Босния и Герцеговина
<i>Дата сообщения:</i>	10 декабря 2010 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 30 марта 2015 года,

завершив рассмотрение сообщения № 2028/2011, представленного Комитету по правам человека Мевлидой Ичич в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является г-жа Мевлида Ичич, которая представляет его от своего имени и от имени своего сына, г-на Фадила Ичича. Они являются гражданами Боснии и Герцеговины, родившимися 5 мая 1943 года и 16 июня 1965 года соответственно. Автор сообщения утверждает, что государство-участник нарушило права ее сына, предусмотренные статьями 6, 7, 9, 10 и 16, рассматриваемыми в совокупности с пунктом 3 статьи 2, и ее права по статье 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта. Автор представлена адвокатом. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 1 июня 1995 года.

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Ядх Бен Ашур, Лазхари Бузид, Сара Кливленд, Оливье де Фрувиль, Юджи Ивасава, Ивана Елич, Дункан Лаки Мухумуза, Фотини Пазарцис, Мауро Полити, сэр Найджел Родли, Виктор Мануэль Родригес-Ресия, Фабиан Омар Сальвиоли, Дируджлалл Б. Ситулсингх, Аня Зайберт-Фор, Юваль Шани, Константин Вардзелашвили и Марго Ватервал. Текст особого (согласного) мнения члена Комитета Ани Зайберт-Фор и совместного (частично несогласного) мнения членов Комитета Оливье де Фрувиля, Мауро Полити, Виктора Мануэля Родригеса-Ресии и Фабиана Омара Сальвиоли содержится в добавлении к настоящему Соображениям.

Факты в изложении автора

2.1 События, о которых повествуется в настоящем сообщении, произошли во время вооруженного конфликта, вспыхнувшего после провозглашения независимости Боснии и Герцеговины, между боснийскими правительственными силами, с одной стороны, и вооруженными силами боснийских сербов и Югославской народной армией, с другой. В ходе конфликта имели место этнические чистки и другие бесчинства, приведшие к тому, что тысячи людей были убиты, отправлены в концентрационные лагеря или пропали без вести¹. Ряд случаев исчезновения жителей произошел в Боснийской Краине в период с мая по август 1992 года, большей частью в районе города Приедор. Сотни жителей Приедора и его окрестностей были помещены в концентрационные лагеря, созданные вооруженными формированиями боснийских сербов. Один из наиболее известных таких лагерей находился в населенном пункте Омарска². От 3 000 до 5 000 гражданских лиц были помещены в этот лагерь, где они содержались в бесчеловечных условиях, подвергались физическому и психологическому насилию, пыткам и произвольным убийствам. Как правило, они содержались в переполненных помещениях без надлежащих санитарно-гигиенических условий, достаточного количества продовольствия и воды и должного медицинского обслуживания³.

2.2 Во время этих событий г-н Ичич проживал в деревне Трнополье, недалеко от Приедора. Автор утверждает, что 10 июня 1992 года, когда ее сын работал в поле около дома, его задержали военнослужащие армии боснийских сербов. Они заставили его пешком направиться, под дулами их пистолетов и винтовок, в сторону Омарски. По пути туда был также задержан г-н С.Д. Направляясь в Омарску, они ненадолго остановились у дома г-на М.С. и г-на С.С., которые видели, что г-н Ичич и г-н С.Д. находились под конвоем военнослужащих армии боснийских сербов. Впоследствии их отправили в концентрационный лагерь в Омарске.

2.3 11 июня 1992 года г-ну С.Д. разрешили покинуть лагерь. Прибыв в Трнополье, он связался с автором и рассказал ей о том, что ее сын, г-н Ичич, содержится под стражей в Омарске. Он сказал ей также, что ее сын содержится в бесчеловечных условиях и находится под угрозой смерти. С тех пор о судьбе и местонахождении г-на Ичича ничего не известно.

2.4 17 июня 1992 года, когда автор находилась дома с четырьмя другими ее детьми, явился солдат вооруженных сил боснийских сербов, открыл огонь и велел ей выйти из дома. Их отправили в концентрационный лагерь в Трнополье, и они провели там ночь. После этого они отправились в Зеницу, где автор заявила об исчезновении своего сына местному представительству Международного комитета Красного Креста (МККК). 3 июля 1992 года автор сообщения и ее дети бежали в Словению.

2.5 В августе 1992 года автор сообщила об исчезновении ее сына представительству МККК в Есенице, Словения, а в 1993 году она направила письмо с его фотографиями в представительство МККК в Хорватии. В период с 1995 по 1996 год она безуспешно обращалась с запросами в местное представительство МККК в Словении в агентство по розыску МККК в Загребе.

¹ См. E/CN.4/1996/36, пункты 22, 49–60, 67–68, 85 и 88.

² См. доклады E/CN.4/1995/37, пункты 3, 36 и 52; и E/CN.4/1997/55, пункты 3, 94 и 98–106.

³ См. заключительный доклад Совета Безопасности и Комиссии экспертов, учрежденной в соответствии с резолюцией 780 (1992 год) Совета Безопасности, S/1994/674/Add.2 (Vol. I). См. также практику Международного трибунала по бывшей Югославии в связи с делом *Prosecutor v. Radoslav Brdanin*, judgement of the trial chamber of 1 September 2004 (case No. IT-99-36-T), paras. 118 and 159; и делом *Prosecutor v. Miroslav Kovčeka et al.*, judgement of the trial chamber of 2 November 2001 (case No. IT-98/30-1), paras. 18 and 28–44.

2.6 Вооруженный конфликт закончился в декабре 1995 года, когда вступило в силу Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине⁴.

2.7 В 2000 году автор вернулась в Боснию и Герцеговину. В 2001 году она посетила представительство МККК в Ключе, чтобы сообщить, что ее сын все еще не найден. В настоящее время г-н Ичич по-прежнему числится в базе данных МККК как лицо, «пропавшее без вести». Кроме того, автор сообщения вступила в Ассоциацию семей пропавших без вести лиц в Приедоре («Извор»). В качестве члена этой организации она участвовала в нескольких манифестациях и не раз обращалась в различные органы власти, чтобы сообщить им о насильственном исчезновении своего сына и просить их о вмешательстве в целях установления его судьбы и местонахождения, добиваясь справедливости и получения компенсации.

2.8 В 2002 году автор и трое ее детей предоставили представительству МККК в городе Сански-Мост образцы ДНК, чтобы облегчить процедуру идентификации останков ее сына.

2.9 В 2004 году автор заявила о насильственном исчезновении своего сына Федеральной комиссии по розыску лиц, пропавших без вести, и представила ей запрос на розыск⁵. Автор утверждает, что начиная с 1992 года, МККК предоставлял местным властям информацию, касающуюся насильственного исчезновения ее сына. Несмотря на то что они были осведомлены об его исчезновении и имели доступ к соответствующей информации, не было проведено *ex officio* эффективного расследования в целях его розыска, установления его судьбы и местонахождения или, в случае его смерти, эксгумации, идентификации и возвращения его останков семье. Лица, несущие ответственность за его исчезновение, не были вызваны в суд, обвинены и осуждены.

2.10 6 декабря 2006 года автор добилась вынесения муниципальным судом города Сански-Мост решения, в соответствии с которым ее сын был объявлен умершим и в котором была названа дата его смерти 10 июня 1992 года. Муниципальный суд отметил, что, согласно показаниям двух свидетелей, ее сына последний раз видели 10 июня 1992 года в составе группы жителей Трнополя, которых отправляли в концентрационные лагеря, и что позднее эти свидетели узнали от бывших узников о том, что сына автора поместили в концентрационный лагерь в Омарске. Автор заявляет, что она обязана была пойти на столь мучительную процедуру, так как это было единственным способом облегчить ее крайне затруднительное материальное положение. Она утверждает, что получение свидетельства о смерти было фактически обязательным условием для получения пенсии по нетрудоспособности в Республике Сербской на основании статьи 25 Закона о защите гражданских жертв войны и статьи 190 Закона об административной процедуре. В подобной ситуации у нее не было иного выхода, кроме как подать просьбу о признании ее сына умершим, несмотря на то что о его судьбе и местонахождении было мало что известно.

2.11 4 марта 2008 года г-жа Ичич обратилась в Комиссию по правам человека Конституционного суда Боснии и Герцеговины, заявив о нарушении ста-

⁴ В соответствии с Дейтонским соглашением в состав Боснии и Герцеговины входят два образования – Федерация Боснии и Герцеговины и Республика Сербская. Округ Брчко, находящийся под исключительным суверенитетом государства и международным наблюдением, был официально создан 8 марта 2000 года.

⁵ Автор представила копию свидетельства, которое было выдано Федеральной комиссией по розыску лиц, пропавших без вести, 20 февраля 2008 года и в котором говорится, что ее сын был зарегистрирован как пропавшее без вести лицо 10 июня 1992 года, и заявила, что эта информация основана, в частности, на сведениях, полученных от самих лиц, виновных в его исчезновении, МККК, заключенных и членов семей.

тей 3 (запрещение пыток) и 8 (право на уважение частной и семейной жизни) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также пункта 3 b) и f) статьи II Конституции Боснии и Герцеговины. Конституционный суд решил объединить несколько заявлений, поданных членами ассоциации «Извор» и родственниками пропавших без вести лиц, и, таким образом, рассматривать их в рамках одного дела.

2.12 13 мая 2008 года Конституционный суд заключил, что заявители по объединенному делу освобождаются от требования в отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты в судах общей юрисдикции, поскольку, «как представляется, ни одно специализированное учреждение по насильственным исчезновениям в Боснии и Герцеговине не действует эффективно»⁶. Суд констатировал нарушение статей 3 и 8 Европейской конвенции в связи с отсутствием информации о судьбе пропавших без вести родственников заявителей, в том числе о судьбе г-на Ичича. Суд предписал соответствующим боснийским органам власти представить «всю доступную и имеющуюся информацию о членах семей заявителей, которые пропали без вести во время войны, ... незамедлительно, без дальнейших задержек и не позднее чем через 30 дней с момента получения данного решения», а также незамедлительно, без дальнейших задержек и не позднее чем через 30 дней с момента вынесения судебного приказа обеспечить эффективную работу учреждений, созданных в соответствии с Законом о пропавших без вести лицах, а именно Института по делам пропавших без вести лиц, Фонда помощи семьям пропавших без вести лиц в Боснии и Герцеговине и Центрального реестра пропавших без вести лиц в Боснии и Герцеговине. Компетентным органам было предложено представить в Конституционный суд в течение шести месяцев информацию о мерах, принятых в целях выполнения решения Суда.

2.13 Конституционный суд не вынес решения по вопросу о компенсации, считав, что этот вопрос регулируется положениями Закона о пропавших без вести лицах, которые касаются «финансовой поддержки», а также в рамках создания Фонда. Автор, однако, утверждает, что положения о финансовой поддержке не были выполнены и что Фонд до сих пор не создан.

2.14 13 марта 2009 года Административная служба Департамента по делам ветеранов и защите инвалидов в Приедоре назначила автору ежемесячную «пенсию по нетрудоспособности» в размере 149 конвертируемых марок⁷. Автор утверждает, что такая пенсия является формой социальной помощи и не может заменить принятия надлежащих мер по возмещению ущерба за грубые нарушения прав человека, которым подверглись она и ее сын.

2.15 Предельные сроки, установленные Конституционным судом в его решении, истекли, а соответствующие учреждения так ничего не сообщили о судьбе и местонахождении жертв и не представили Суду информации о мерах, принятых с целью выполнения этого решения. 25 ноября 2010 года автор сообщения направила два письма – в Институт по делам пропавших без вести лиц и в Оперативную группу Республики Сербской по розыску пропавших без вести лиц – с просьбой представить информацию о мерах, которые были ими приняты к тому моменту в целях выполнения решения Конституционного суда от 13 мая 2008 года. В тот же день г-жа Ичич обратилась в Конституционный суд с просьбой установить, в соответствии со статьей 74.6 его правил процедуры, что власти не обеспечили выполнения его решения от 13 мая 2008 года. На момент представле-

⁶ Автор сообщения ссылается на решения Конституционного суда в отношении *X. и др.* (дело № AP-129/04) от 27 мая 2005 года, пункты 37–40, упоминаемое в решении по делу *Фатима Хасич и др.* (дело № AP-95/07) от 29 мая 2008 года.

⁷ По словам автора, эта сумма равна 75 евро.

ния настоящего сообщения Комитету она не получила никакого ответа от Суда или других учреждений и властями не было принято никаких мер.

2.16 Что касается требования, предусмотренного в пункте 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, то автор утверждает, что эффективного средства правовой защиты предоставлено не было и что Конституционный суд сам признал, что г-жа Ичич и другие заявители «не имели в своем распоряжении эффективного и адекватного средства для защиты своих прав»⁸. В свете статьи VI (4) Конституции государства-участника решение Конституционного суда от 13 мая 2008 года следует считать окончательным и юридически обязательным.

2.17 В отношении приемлемости сообщения *ratione temporis* автор заявляет, что, хотя рассматриваемые события произошли до вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника, насильственное исчезновение как таковое является длящимся нарушением сразу нескольких прав человека⁹, которое продолжается до тех пор, пока не будет установлено местонахождение жертвы. В случае ее сына органы государственной власти, в том числе Конституционный суд, относят г-на Ичича к «без вести пропавшим лицам». Однако его судьба и местонахождение до сих пор не установлены с достаточной точностью. Кроме того, власти не выполнили решение Конституционного суда от 13 мая 2008 года, а Генеральная прокуратура не приняла никаких мер для привлечения к ответственности виновных в этом лиц.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что г-н Ичич является жертвой насильственного исчезновения, в котором виновны военнослужащие вооруженных сил боснийских сербов; что насильственное исчезновение является многосоставным нарушением; и что в случае ее сына оно представляет собой нарушение статей 6, 7, 9, 10 и 16, рассматриваемых в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта. Она отмечает, что его судьба и местонахождение остаются неизвестными с 10 июня 1992 года и что его исчезновение произошло в контексте широко распространенных и систематических нападений на гражданское население. Тот факт, что он был арестован военнослужащими вооруженных сил боснийских сербов и что последний раз его видели живым, когда он находился под конвоем охранников концентрационного лагеря в Омарске, где он содержался в условиях, угрожавших его жизни, позволяет ей сделать вывод, что он подвергался серьезному риску нанесения непоправимого ущерба его личной неприкосновенности и жизни. Она обращает внимание на то, что этот концлагерь был печально известен большим числом произвольных казней заключенных, вывозом и сокрытием их останков.

3.2 Несмотря на предпринятые автором усилия, она не получила какой-либо конкретной информации о причинах и обстоятельствах исчезновения г-на Ичича. Хотя она незамедлительно сообщила о его исчезновении в МККК, который обменивался этой информацией с государством-участником с 1992 года, не было проведено *ex officio* оперативного, беспристрастного, тщательного и независимого расследования для установления его судьбы и местонахождения; в случае его смерти его останки не были обнаружены, эксгумированы, идентифицированы и

⁸ Автор сообщения ссылается на решения Конституционного суда по делу *М.Х. и др.* (дело № AP-129/04) от 27 мая 2005 года, пункт 37.

⁹ Автор ссылается на практику Европейского суда по правам человека и Межамериканского суда по правам человека; статью 14.2 проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятые Комиссией международного права; деятельность Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям; замечание общего порядка № 9; и пункт 1 статьи 8 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений.

возвращены его близким; и никто не был допрошен, подвергнут расследованию или наказанию за его насильственное исчезновение.

3.3 Государство-участник несет ответственность за проведение расследований всех случаев насильственного исчезновения и предоставление информации о местонахождении пропавших без вести лиц. В этой связи автор ссылается на доклад Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям, в котором сказано, что основная ответственность за осуществление этих функций лежит на органах, под юрисдикцией которых находятся предполагаемые места массовых захоронений¹⁰. Автор утверждает, что государство-участник обязано проводить *ex officio* оперативное, беспристрастное, тщательное и независимое расследование грубых нарушений прав человека, таких как насильственные исчезновения, пытки или произвольные казни. Обязанность проводить расследование возникает и в случаях убийств или других ограничивающих права человека актов, которые не могут быть вменены в вину государству. В этих случаях обязанность проводить расследование вытекает из обязанности государства защищать всех находящихся под его юрисдикцией лиц от совершаемых отдельными лицами или группами лиц актов, которые могут препятствовать осуществлению ими их прав человека¹¹.

3.4 Автор ссылается на правовую практику Комитета, согласно которой на государство-участник возлагается основная ответственность за принятие надлежащих мер по защите жизни того или иного лица¹². В случае насильственного исчезновения государство-участник обязано провести расследование и привлечь виновных к ответственности. В свете обстоятельств исчезновения г-на Ичича автор утверждает, что непроведение государством-участником эффективного и тщательного расследования по данному делу (см. пункты 3.1 и 3.2 выше) равносильно нарушению права г-на Ичича на жизнь, предусмотренного статьей 6, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.5 Автор ссылается на правовую практику Комитета, в соответствии с которой насильственное исчезновение само по себе является своего рода пыткой¹³, по факту которой государством-участником до сих пор не проведено расследования с целью выявления, возбуждения дела, проведения суда и осуждения ответственных за это преступление лиц. Таким образом, насильственное исчезновение г-на Ичича равнозначно обращению, противоречащему статье 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.6 Г-н Ичич явился также жертвой нарушения своих прав по статье 9 Пакта. Он был лишен свободы военнослужащими вооруженных сил боснийских сербов и содержался в условиях, представлявших угрозу для жизни (см. пункт 3.1 выше). Однако его задержание не было зарегистрировано в каком-либо официальном протоколе или реестре, а его родственники так и не видели его с тех пор. Ему не было предъявлено обвинения в совершении какого-либо преступления, он не был доставлен судье или другому должностному лицу, уполномоченному законом на осуществление судебных функций. Он не мог оспорить в суде законность своего задержания. Кроме того, о его судьбе и местонахождении ничего не известно. Поскольку государство-участник не представило никаких пояснений и не было предпринято усилий с целью установления его судьбы, автор считает,

¹⁰ См. E/CN.4/1996/36, пункт 78.

¹¹ См. замечание общего порядка № 31 (2004 год) Комитета по правам человека, пункт 8.

¹² См. сообщение № 84/1981, *Дермит Барбато против Уругвая*, Соображения, принятые 21 октября 1982 года, пункт 10.

¹³ См., например, сообщение № 1495/2006, *Зохра Мадауи против Алжира*, Соображения, принятые 1 декабря 2008 года, пункт 7.4.

что государство-участник нарушило права ее сына по статье 9, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.7 Автор утверждает, что насильственное исчезновение само по себе является нарушением статьи 10 Пакта, и отмечает, что г-н Ичич содержался в концлагере в Омарске и не имел возможности связаться с внешним миром. Она ссылается на практику Международного трибунала по бывшей Югославии, согласно которой условия содержания в Омарске были признаны бесчеловечными и унижающими человеческое достоинство¹⁴. Она считает, что непроведение государством-участником расследования по факту пыток и унижающего достоинство обращения, которым подвергнулся ее сын во время содержания под стражей, представляет собой нарушение статьи 10, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.8 Автор ссылается на правовую практику Комитета, согласно которой насильственное исчезновение может приводить к отказу признать жертву, в соответствии с законом, если это лицо в последний раз, когда его видели, находилось в руках представителей властей государства-участника, а его родственникам систематически отказывали в доступе к эффективным средствам правовой защиты¹⁵. В рассматриваемом случае непроведение расследования властями государства-участника лишает г-на Ичича защиты закона начиная с июня 1992 года. Следовательно, государство-участник несет ответственность за продолжающееся нарушение статьи 16, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.9 В заключение автор утверждает, что государство-участник нарушило права ее сына по статьям 6, 7, 9, 10 и 16, рассматриваемым в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.10 Автор утверждает, что она сама является жертвой нарушения прав по статье 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта. Она испытывала сильную душевную боль и страдания в связи с насильственным исчезновением своего сына, а также действиями и бездействием властей на протяжении более 20 лет. Кроме того, она вопреки своей воле была фактически вынуждена добиваться принятия решения о признании своего сына умершим, так как это было единственным способом получить пенсию и облегчить ее крайне затруднительное материальное положение. Несмотря на ее усилия, судьба и местонахождение ее сына остаются неизвестными, и, если его нет в живых, его останки не были возвращены семье, что усугубляет испытываемые автором душевную боль и отчаяние из-за невозможности надлежащим образом похоронить сына. Она обращалась в различные официальные инстанции с запросами, но не получила никакой достоверной информации. Автор отмечает, что власти не выполнили решение Конституционного суда от 13 мая 2008 года и положения Закона о пропавших без вести лицах, в частности те из них, которые касаются создания Фонда помощи семьям лиц, пропавших без вести в Боснии и Герцеговине, что лишает семьи пропавших без вести лиц надлежащего возмещения ущерба. При таких обстоятельствах безразличное отношение государства-участника может быть приравнено к бесчеловечному обращению.

3.11 Автор просит Комитет рекомендовать государству-участнику: а) распорядиться о срочном проведении независимого расследования для установления судьбы и местонахождения ее сына и, в случае подтверждения его смерти, обна-

¹⁴ См., в частности, International Tribunal for the Former Yugoslavia, Case *Prosecutor v. Miroslav Kovčeka et al.*, para 197.

¹⁵ См. сообщения № 1495/2006, *Зохра Мадуи против Алжира*, Соображения, принятые 1 декабря 2008 года, пункт 7.7; и № 1327/2004, *Гриуа против Алжира*, Соображения, принятые 16 августа 2007 года, пункт 7.9.

ружить, эксгумировать и идентифицировать его останки, обеспечить уважительное к ним отношение и вернуть их семье; b) обеспечить, чтобы виновные лица предстали перед компетентными органами для разбирательства, вынесения судебного решения и наказания и чтобы результаты этих действий были доступны для широкой общественности; c) обеспечить ей полное возмещение ущерба и оперативную, справедливую и адекватную компенсацию; и d) обеспечить, чтобы меры по компенсации включали в себя возмещение материального и морального ущерба, а также меры по восстановлению и реабилитации и гарантии неповторения случившегося. В числе прочих мер она просит, чтобы государство-участник незамедлительно и бесплатно предоставило ей медицинскую и психологическую помощь в своих специализированных учреждениях. В качестве гарантии неповторения государству-участнику следует внести поправки в свое действующее законодательство, с тем чтобы обеспечение родственникам жертв насильственных исчезновений социальных льгот и возмещения ущерба не ставилось в зависимость от вынесения муниципальным судом решения об объявлении гражданина умершим. Государству-участнику следует также как можно скорее разработать учебные программы по вопросам международного права прав человека и международного гуманитарного права для всех военнослужащих, сотрудников сил безопасности и судебных органов.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В своей вербальной ноте от 27 апреля 2011 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости существа сообщения. Оно ссылается на правовую базу, разработанную для осуществления уголовного преследования за военные преступления в послевоенный период начиная с декабря 1995 года. Оно заявляет, что в декабре 2008 года в отношении военных преступлений была принята национальная стратегия с целью завершения уголовного преследования за самые тяжкие военные преступления в течение семи лет и за «другие военные преступления» в течение 15 лет после принятия этой стратегии. Государство-участник ссылается на принятие в 2004 году Закона о пропавших без вести лицах и создание Института по делам пропавших без вести лиц в целях усовершенствования процесса розыска пропавших без вести лиц и идентификации останков. Оно напоминает о том, что из почти 32 000 лиц, пропавших без вести во время войны, были обнаружены останки 23 000 лиц, из которых были идентифицированы 21 000 человек.

4.2 В апреле 2009 года Институт по делам пропавших без вести лиц открыл региональное бюро в городе Сански-Мост, а также оперативный отдел и организационные подразделения. Государство-участник считает, что эти инициативы создают условия для ускоренного и более эффективного процесса поиска пропавших без вести лиц на территории Боснийской Краины, включая Приедор. Их следователи ежедневно работают на местах, занимаясь сбором информации о возможных массовых захоронениях и устанавливая контакты со свидетелями. В целом начиная с 1998 года в этом районе было раскопано 721 захоронение и повторно раскопано 48 захоронений, в том числе в муниципалитете Приедор, где, вероятно, могли быть обнаружены останки г-на Ичича. Государство-участник информирует Комитет о том, что в районе Трнополя было обнаружено два захоронения с неопознанными телами; что Суд Боснии и Герцеговины вынес решение о проведении эксгумации; и что эксгумация еще не была проведена из-за неблагоприятных погодных условий.

4.3 В качестве составной части своих замечаний государство-участник направляет Комитету письмо Генеральной прокуратуры Боснии и Герцеговины, в котором Генеральный прокурор отмечает, что автор сообщила о предполагаемом ис-

чезновении своего сына МККК, Федеральной комиссии по розыску лиц, пропавших без вести, и Конституционному суду. Однако она никогда не обращалась в Генеральную прокуратуру с просьбой провести расследование для установления судьбы и местонахождения ее сына, несмотря на то что его исчезновение произошло во время вооруженного конфликта и было связано с возможным совершением военного преступления. Поэтому Генеральный прокурор утверждает, что «вызывает сомнение тот факт, что [она] исчерпала все доступные внутренние средства правовой защиты». Он отмечает, что автор направила в Генеральную прокуратуру письмо, касающееся исчезновения г-на Ичича, лишь 20 декабря 2010 года; что это письмо было зарегистрировано как ходатайство о возбуждении уголовного дела и что этому делу был присвоен номер; и что соответствующий прокурор собирался начать расследование этого дела. Кроме того, отделение Управления Генерального прокурора Республики Сербской в Приедоре сообщило, что оно не получало ходатайства о возмещении автору морального ущерба в связи с ее психологическими страданиями, вызванными исчезновением ее сына.

Комментарии автора в связи с замечаниями государства-участника

5.1 Автор представила свои комментарии в связи с замечаниями государства-участника 3 июня 2011 года. Она приветствовала заявление Генеральной прокуратуры Боснии и Герцеговины о том, что ее письмо от 20 декабря 2010 года было рассмотрено и зарегистрировано как ходатайство о возбуждении уголовного дела, и отметила, что считает это важным шагом вперед. Она, однако, отметила, что узнала об этом только из замечаний государства-участника; что она не получила от Генеральной прокуратуры никакого официального подтверждения начала расследования в связи с исчезновением ее сына; и что она не знала, является ли или будет ли дело ее сына являться приоритетным в соответствии с национальной стратегией в отношении военных преступлений.

5.2 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то она вновь отмечает, что сообщала об исчезновении своего сына ряду организаций начиная с 1992 года. Таким образом, тот факт, что ее сын подвергся произвольному задержанию и что последний раз его видели живым в Омарске, был, в принципе, известен основным учреждениям, которые занимаются проблемами лиц, пропавших без вести в Боснии и Герцеговине, и регистрационные журналы которых открыты и доступны для компетентных судебных органов, уполномоченных расследовать преступления, совершенные в Омарске. Он по-прежнему зарегистрирован как лицо, пропавшее без вести, в доступных для широкой общественности базах данных этих учреждений. Например, в онлайн-поисковой системе, созданной Международной комиссией по пропавшим без вести лицам, он числится пропавшим без вести. Кроме того, в системе отмечено, что, несмотря на предоставленные его родственниками образцы ДНК, совпадений установлено не было. Кроме того, имя г-на Ичича было включено в список пропавших без вести лиц из Приедора, содержащийся в книге под названием «Ni krivi ni dužni», которая дважды направлялась Генеральной прокуратуре ассоциацией «Извор». Таким образом, Генеральная прокуратура и другие органы власти располагали информацией, достаточной для начала официального расследования произвольного задержания и насильственного исчезновения сына автора, или имели к ней доступ.

5.3 Автор ссылается на замечание общего порядка Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям по вопросу о насильственном исчезновении как длящемся преступлении¹⁶. Она считает, что замечания государства-участника не содержат возражений против приемлемости сообщения и в

¹⁶ См. А/НRC/16/48, пункты 1–2, 78 и 39.

значительной мере признают суть сформулированных в нем утверждений. Она также считает, что эти замечания подтверждают ее утверждения о том, что ее сын по-прежнему числится «пропавшим без вести». Поэтому процесс его поиска должен продолжаться под руководством боснийских органов власти, которые обязаны установить его судьбу и местонахождение; в случае его смерти заниматься поиском его останков, обнаружить их, обеспечить уважительное к ним отношение и возратить их его семье; предоставить ей правдивую информацию об обстоятельствах его насильственного исчезновения, ходе и результатах расследования по установлению его судьбы; и гарантировать автору возмещение ущерба за продолжающиеся нарушения.

5.4 Автор утверждает, что сотрудники Института по делам пропавших без вести лиц, на который ссылается государство-участник, до сих пор не связались ни с ней, ни с кем бы то ни было из свидетелей событий, приведших к насильственному исчезновению ее сына, хотя она считает, что они могли бы предоставить государственным органам информацию, имеющую отношение к установлению его местонахождения¹⁷. Она отмечает, что в замечаниях государства-участника содержатся общие ссылки на существование массовых захоронений и отсутствует точная информация о том, где могут находиться останки ее сына. Если Институт по делам пропавших без вести лиц обладает достоверной информацией о том, что его останки могут находиться в местах массовых захоронений в Трнополе или Приедоре, она должна быть незамедлительно проинформирована об этом и полностью вовлечена в процесс обнаружения, эксгумации и идентификации его останков.

5.5 Автор утверждает, что большое число военных преступлений, которые все еще предстоит расследовать, не освобождает государство-участник от его ответственности за проведение оперативного, беспристрастного, независимого и тщательного расследования дел, касающихся грубых нарушений прав человека, или от обязанности регулярно информировать родственников жертв о ходе и результатах таких расследований. Несмотря на то что автор незамедлительно сообщила об исчезновении г-на Ичича различным государственным органам, его дело было зарегистрировано Генеральной прокуратурой под соответствующим номером только 20 декабря 2010 года – после того, как она представила свое сообщение в Комитет; ей, однако, не сообщили, будет ли начато расследование (см. пункт 5.1 выше). В этой связи автор вновь отмечает, что семьи жертв насильственных исчезновений должны полностью вовлекаться в процесс проведения расследования. В частности, им должна регулярно предоставляться информация о ходе расследования, его результатах и возможных предстоящих судебных слушаниях¹⁸.

5.6 Автор считает, что осуществление национальной стратегии в отношении военных преступлений является неполным, как это отмечалось международными учреждениями, и не может использоваться государством-участником в качестве достаточного ответа касательно отсутствия информации о ходе и результатах проводимых расследований, а также не может служить оправданием бездеятельности соответствующих органов власти. Она утверждает, что принятие стратегии правосудия переходного периода не может заменить собой доступ к правосудию и компенсации причиненного ущерба для жертв грубых нарушений прав человека и их родственников.

5.7 В свете того, что государство-участник ссылается на Закон о пропавших без вести лицах, автор вновь заявляет, что спустя несколько лет после его вступления

¹⁷ См. A/HRC/AC/6/2, пункты 53, 56 и 80–97; и замечание общего порядка № 10 Рабочей группы по насильственным и недобровольным исчезновениям, пункт 4.

¹⁸ См. замечание общего порядка № 10 Рабочей группы по насильственным и недобровольным исчезновениям, пункт 3; и A/HRC/16/48/Add.1, пункты 34 и 63–64.

в силу некоторые из его ключевых положений, включая те, которые касаются создания Фонда поддержки семей лиц, пропавших без вести в Боснии и Герцеговине, не были выполнены. Кроме того, некоторые международные учреждения отметили, что создания Фонда недостаточно для того, чтобы гарантировать комплексное возмещение ущерба родственникам пропавших без вести лиц¹⁹.

Дополнительные замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

6.1 21 июня, 17 августа и 12 сентября 2011 года государство-участник представило дополнительную информацию и повторило свои замечания, особо отметив усилия, предпринятые для установления судьбы и местонахождения всех лиц, пропавших без вести в Боснии и Герцеговине, в том числе в муниципалитете Приедор. Согласно Институту по делам пропавших без вести лиц, имеются определенные признаки, указывающие на существование других массовых захоронений, в которых могли бы содержаться останки жертв концлагеря в Омарске. Однако Институту по-прежнему не хватает возможностей, для того чтобы завершить все рассматриваемые дела в короткий срок. Государство-участник заявило, что значимых изменений в деле г-на Ичича не произошло.

6.2 Министерство обороны не обнаружило в архивах армии Республики Сербской документов, касающихся концлагеря в Омарске или задержания сына автора служащими армии Республики Сербской.

6.3 Государство-участник информирует Комитет о том, что автор может обратиться за правовой помощью в Центр по оказанию правовой помощи Министерства юстиции Республики Сербской.

6.4 26 апреля 2011 года Генеральная прокуратура Боснии и Герцеговины предписала Государственному агентству по расследованиям и защите (его оперативному отделу в Баня-Луке) принять необходимые меры по установлению судьбы и местонахождения сына автора и выявить лиц, виновных в его лишении свободы и насильственном исчезновении. Этот приказ был повторно издан 23 августа 2011 года, но до сих пор от Агентства не было получено ответа. Государство-участник утверждает, что Генеральная прокуратура предпринимает все необходимые усилия для установления обстоятельств исчезновения г-на Ичича; что в силу своей сложности случай г-на Ичича был отнесен к категории дел, расследование которых может длиться в течение 15 лет; и что Прокуратура будет регулярно информировать автора о ходе расследования и о результатах мер, принятых в этой связи.

6.5 Государство-участник информирует Комитет о том, что Закон об определении и способе регулирования внутренней задолженности Республики Сербской²⁰ определяет компетенцию судов и других органов власти и регулирует процедуру предоставления компенсации за материальный и моральный ущерб в случае насильственных исчезновений. Кроме того, правительство Республики Сербской приняло меры, с тем чтобы ускорить работу по поиску лиц, пропавших без вести.

6.6 Институт по делам пропавших без вести лиц заявил, что предпринимает усилия по поиску людей, пропавших без вести на территории Боснийской Краины, и что двое следователей – из регионального отделения в Бихаче и местного отделения в Сански-Мосте – отвечают за поиск 1 500 человек, пропавших без вести на этой территории. В этой связи Институт по делам пропавших без вести лиц отметил, что он свяжется с родственниками г-на Ичича, для того чтобы предоставить им более подробную информацию по его делу.

¹⁹ См. CAT/C/ВН/СО/2-5, пункт 18, и А/НRC/16/48/Add.1, пункты 39–48.

²⁰ Название закона в том виде, в каком оно было представлено государством-участником.

Дополнительная информация, представленная автором

7.1 24 августа и 3 октября 2011 года автор представила Комитету дополнительную информацию. Автор считает, что в своих дополнительных замечаниях государство-участник не представило существенной информации относительно приемлемости и существа ее сообщения. Что касается заявления Министерства обороны о том, что не было обнаружено никакой информации о концлагере в Омарске, она отмечает, что имеются доступные для широкой общественности свидетельства существования этого лагеря, что, по сути, уже было признано другими органами власти государства-участника.

7.2 Дополнительные замечания государства-участника свидетельствуют о том, что его органы власти не располагают относящейся к делу информацией, которая могла бы способствовать установлению судьбы и местонахождения сына автора или прояснению мер, принятых ими для выполнения обязательств, предусмотренных Пактом.

7.3 Автор информирует Комитет о том, что 24 августа 2011 года она получила от Генеральной прокуратуры Боснии и Герцеговины письмо, в котором содержалась информация, представленная Комитету государством-участником в его дополнительных замечаниях (см. пункт 6.4. выше). В этой связи автор выражает обеспокоенность в связи с тем, что Государственное агентство по расследованиям и защите не ответило на запросы Генеральной прокуратуры, и вновь заявляет, что государство-участник не проводит расследования исчезновения ее сына в течение более 20 лет. Кроме того, хотя для расследования преступлений, совершенных во время войны, и требуется определенное время, дополнительные 15 лет, о которых упомянула Генеральная прокуратура, противоречили бы всякому требованию в отношении оперативности расследования и, таким образом, представляют собой нарушение ее прав, закрепленных в Пакте.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в каком-либо сообщении, Комитет должен согласно правилу 93 своих правил процедуры принять решение о том, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом.

8.2 Комитет удостоверился, как того требует пункт 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с какой-либо другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

8.3 Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что, согласно Генеральной прокуратуре Боснии и Герцеговины, автор сообщения не исчерпала все доступные внутренние средства правовой защиты, так как она сообщила ей об исчезновении своего сына лишь 20 декабря 2010 года. Кроме того, Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что Конституционный суд сам признал отсутствие эффективных средств для защиты прав родственников лиц, пропавших без вести; что она сообщила о насильственном исчезновении своего сына различным учреждениям, включая Федеральную комиссию по розыску лиц, пропавших без вести, и Конституционный суд; что 13 мая 2008 года Конституционный суд признал нарушение прав автора в результате отсутствия информации о судьбе г-на Ичича; и что это решение не было, однако, выполнено компетентными органами власти. Комитет отмечает, что спустя более чем 22 года после предполагаемого исчезновения сына автора его судьба и местонахождение остаются невыясненными и что государство-участник не смогло

привести убедительных доводов для оправдания задержки с проведением расследования. Таким образом, Комитет приходит к выводу, что применение внутренних средств правовой защиты было неоправданно затянуто и что пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствует рассмотрению им данного сообщения.

8.4 Поскольку все критерии приемлемости были соблюдены, Комитет объявляет данное сообщение приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

9.1 Комитет рассмотрел дело с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что 10 июня 1992 года г-н Ичич был задержан военнослужащими вооруженных сил боснийских сербов в Трнополе, Приедор; что его поместили в концентрационный лагерь в Омарске, где его последний раз видели, когда он находился под конвоем охранника этого лагеря, и где он содержался в условиях, угрожающих его жизни; что его арест произошел в контексте широко распространенных и систематических нападений на гражданское население; что, согласно публичным отчетам, заключенные концлагеря в Омарске содержались в бесчеловечных условиях, подвергались физическому и психологическому насилию, пыткам и произвольным убийствам, а их останки были вывезены и сокрыты; и что, принимая во внимание данное обстоятельство, имеются основания предполагать, что ее сын стал жертвой насильственного исчезновения, совершенного военнослужащими вооруженных сил боснийских сербов в июне 1992 года. Государство-участник не провело официального, тщательного и независимого расследования для установления его судьбы и местонахождения и для привлечения виновных к ответственности. В связи с этим Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 31 (2004 год) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, согласно которому непринятие государством-участником мер для проведения расследования в связи с жалобами на нарушения и непривлечение государством-участником к ответственности лиц, виновных в совершении некоторых нарушений, таких как пытки и жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, казни без надлежащего судебного разбирательства и произвольные казни и насильственные исчезновения, могут сами по себе рассматриваться как отдельное нарушение Пакта.

9.3 Автор не утверждает, что государство-участник несет прямую ответственность за насильственное исчезновение ее сына. Она, однако, заявляет, что его исчезновение было совершено на территории государства-участника военнослужащими вооруженных сил боснийских сербов. Комитет отмечает, что термин «насильственное исчезновение» может использоваться в широком смысле и означать не только исчезновения по вине государства-участника, но и исчезновения по вине сил, независимых от государства-участника или враждебных ему²¹. Комитет также отмечает, что государство-участник не оспаривает квалификацию этих событий как насильственное исчезновение.

²¹ Ср. пункт 2 i) статьи 7 Римского статута Международного уголовного суда, согласно которому насильственные исчезновения включают в себя исчезновения по вине какой-либо политической организации, со статьями 2 и 3 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, в которых проводится различие между насильственными исчезновениями по вине государств или лиц или групп лиц, действующих с их разрешения, при их поддержке или с их согласия, и такими же деяниями, совершенными лицами или группами лиц, действующими без такого разрешения, поддержки или согласия. См. также сообщение № 1956/2010, *Дурич против Боснии и Герцеговины*, Соображения, принятые 16 июля 2014 года, пункт 9.3.

9.4 Комитет принимает к сведению информацию государства-участника о том, что оно предприняло значительные усилия на общем уровне, учитывая тот факт, что во время конфликта более 30 000 человек пропали без вести. Следует отметить, что, согласно выводу Конституционного суда, власти несут ответственность за расследование случаев исчезновения родственников заявителей, включая г-на Ичича (см. пункт 2.12 выше), и что были созданы внутренние механизмы для рассмотрения насильственных исчезновений и других военных преступлений (см. пункт 4.2 выше).

9.5 Без ущерба постоянному обязательству государств-участников по расследованию всех аспектов насильственных исчезновений, включая привлечение виновных к ответственности, Комитет признает также конкретные трудности, с которыми государство-участник может столкнуться при расследовании преступлений, которые могли быть совершены на его территории вражескими силами иностранного государства. Поэтому, признавая тяжесть факта исчезновения и страдания автора в связи с тем, что судьба и местонахождение ее пропавшего без вести сына не установлены, а виновные еще не привлечены к ответственности, Комитет отмечает, что это само по себе не является достаточным для вывода о нарушении пункта 3 статьи 2 Пакта в свете конкретных обстоятельств, изложенных в данном сообщении.

9.6 С другой стороны, автор утверждает, что в момент передачи ее сообщения – спустя более 18 лет после предполагаемого исчезновения ее сына и более двух лет после вынесения решения Конституционного суда от 13 мая 2008 года – следственные органы не связались с ней для получения информации, касающейся исчезновения г-на Ичича. 25 ноября 2010 года автор обратилась в Конституционный суд и просила его вынести постановление, устанавливающее, что государство-участник не обеспечило выполнение его решения от 13 мая 2008 года; Конституционный суд, однако, не принял никакого решения, и власти не совершили никаких эффективных действий в отношении дела ее сына. Государство-участник представило общую информацию о предпринятых им усилиях, направленных на поиск и установление судьбы и местонахождения пропавших без вести лиц и на судебное преследование виновных. Оно, однако, не представило автору или Комитету конкретной и относящейся к делу информации о мерах, принятых для установления судьбы и местонахождения г-на Ичича или, в случае его смерти, для обнаружения его останков. Комитет отмечает, что органы власти предоставили автору весьма ограниченную и общую информацию по делу ее сына. Комитет считает, что органы, проводящие расследование случаев насильственных исчезновений, обязаны своевременно предоставлять семьям возможность для того, чтобы они могли рассказать следствию то, что им известно, и что информация о ходе расследования должна безотлагательно предоставляться семьям. Он также отмечает душевную боль и страдания, причиненные автору постоянной неопределенностью, возникшей в результате исчезновения ее сына. Комитет приходит к заключению, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статей 6, 7 и 9, рассматриваемых в совокупности с пунктом 3 статьи 2, Пакта в отношении г-на Ичича и статьи 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2, Пакта в отношении автора.

9.7 Комитет отмечает, что социальное пособие было получено автором при условии ее согласия на то, чтобы признать своего без вести пропавшего сына умершим, тогда как в отношении его судьбы и местонахождения сохранялась неопределенность. По мнению Комитета, обязывать семьи пропавших без вести лиц объявлять члена семьи умершим, чтобы иметь право на получение компенсации, в условиях продолжающегося расследования, равноценно тому, чтобы ставить выплату компенсации в зависимость от пагубной процедуры, а также бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 7,

рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2, Пакта в отношении автора²².

9.8 В свете вышеизложенных выводов Комитет не будет рассматривать отдельно утверждения автора согласно статьям 10 и 16, рассматриваемым в совокупности с пунктом 3 статьи 2, Пакта²³.

10. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что государство-участник нарушило статьи 6, 7 и 9, рассматриваемые в совокупности с пунктом 3 статьи 2, Пакта в отношении г-на Ичича; и статью 7, рассматриваемую отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2, в отношении автора сообщения.

11. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты, в частности: а) активизировать расследования с целью установления судьбы и местоположения г-на Ичича, как того требует Закон о пропавших без вести лицах 2004 года, и обеспечить, чтобы следователи как можно скорее связались с автором, для того чтобы она могла предоставить им необходимую для расследования информацию; б) активизировать свои усилия по привлечению к ответственности лиц, виновных в исчезновении сына автора, без излишней задержки, как того требует национальная стратегия в отношении военных преступлений; с) предоставить автору необходимые услуги по психологической реабилитации и медицинскую помощь в качестве компенсации за ущерб, о котором говорится в пункте 9.7; и d) обеспечить автору эффективное возмещение ущерба, включая адекватную компенсацию и соответствующие меры сатисфакции. Государство-участник также обязано предотвращать аналогичные нарушения в будущем и обеспечить, в частности, чтобы расследования по утверждениям о случаях насильственных исчезновений были доступны для семей лиц, пропавших без вести, и чтобы действующая правовая база не применялась таким образом, чтобы родственники жертв насильственных исчезновений были обязаны получить свидетельство о смерти жертвы в качестве условия для получения социальных льгот и мер по возмещению ущерба.

12. Присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта. В соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять им эффективное и обладающее исковой силой средство правовой защиты в случае установления факта нарушения. В этой связи Комитет просит государство-участник представить в течение 180 дней информацию о мерах, принятых для выполнения настоящих Соображений. Комитет также просит государство-участник опубликовать настоящие Соображения и обеспечить их широкое распространение на всех трех официальных языках государства-участника.

²² См. сообщения № 2003/2010, *Селимович и др. против Боснии и Герцеговины*, Соображения, принятые 17 июля 2014 года, пункт 12.7; *Дурич против Боснии и Герцеговины*, пункт 9.8; и № 1997/2010, *Ризванович против Боснии и Герцеговины*, Соображения, принятые 15 сентября 2010 года, пункт 9.6.

²³ См. *Ризванович против Боснии и Герцеговины*, пункт 9.7.

Добавления

Добавление I

[Подлинный текст на английском языке]

Особое мнение члена Комитета Ани Зайберт-Фор (совпадающее)

1. Я согласна с выводом Комитета по данному сообщению (пункт 10) и ссылаюсь на свое особое, совместное с г-ном Джеральдом Л. Нойманом, мнение по сообщению *Ризванович против Боснии и Герцеговины*^a. В настоящем деле Комитет вновь принял оправданное решение не рассматривать отдельно утверждения по статьям 10 и 16, рассматриваемым в совокупности с пунктом 3 статьи 2, Пакта. Я хотела бы рассмотреть эти утверждения, так как, на мой взгляд, они не были обоснованы. Автор не утверждает, что ответственность за насильственное исчезновение г-на Ичича лежит на Боснии и Герцеговине, а винит в нем оппозиционные вооруженные силы. Эти вооруженные силы не действовали от имени государства как субъекта, который может признать или отрицать признание правосубъектности лиц. Сложно представить, каким образом субъекты, не являющиеся представителями государства и действующие без его ведома, могут отрицать признание правосубъектности жертвы государством. Не предоставив дальнейших доводов в пользу причастности государства-участника к исчезновению ее сына, автор не обосновала утверждение о нарушении статьи 16, что является необходимой предпосылкой для заявления соответствующего права на эффективное средство правовой защиты^b. Кроме того, автор не обосновала свое утверждение в рамках статьи 10. Обязательства государства, предусмотренные статьей 10, касаются условий задержания в рамках его юрисдикции, а не случаев незаконного лишения свободы другими субъектами^c. Таким образом, нет оснований считать, что имело место нарушение статьи 10, если исчезновение произошло не по вине государства. Обязательство по расследованию исчезновения г-на Ичича связано, скорее, со статьями 6, 7 и 9, что требует принятия позитивных мер защиты независимо от того, связано ли само злодеяние с государством-участником или нет. Это легло в основу сделанных Комитетом выводов, изложенных в пункте 10. В обоснование этого общепринятого подхода я хотела бы сослаться на мое особое мнение по сообщению *Хамулич против Боснии и Герцеговины*^d.

^a См. сообщение № 1997/2010, *Ризванович против Боснии и Герцеговины*, Соображения, принятые 15 сентября 2010 года, особое мнение членов Комитета Д.Л. Ноймана и А. Зайберт-Фор.

^b См. сообщение № 2022/2011, *Хамулич против Боснии и Герцеговины*, особое мнение члена Комитета А. Зайберт-Фор, пункт 2 с последующими ссылками.

^c См. замечание общего порядка № 21 по статье 10 (гуманное обращение в отношении лиц, лишенных свободы) (1992 год), пункт 2.

^d См. *Хамулич против Боснии и Герцеговины*, особое мнение члена Комитета А. Зайберт-Фор, пункты 5–7.

Добавление II

[Подлинный текст на французском языке]

Совместное мнение членов Комитета Оливье де Фрувиля, Мауро Полити, Виктора Мануэля Родригеса Ресии и Фабиана Омара Сальвиоли (частично несогласное)

1. В пункте 9.8 своих Соображений Комитет принял решение не рассматривать отдельно утверждения автора согласно статьям 10 и 16, рассматриваемым в совокупности с пунктом 3 статьи 2, Пакта. Комитет, по-видимому, желает таким образом применить принцип экономии средств: «В свете вышеизложенных выводов Комитет не будет рассматривать отдельно...». Другими словами, он считает, что суть утверждений автора уже была учтена Комитетом при рассмотрении им соблюдения государством-участником статей 6, 7 и 9 Пакта, нарушение которых было установлено в предыдущем пункте (9.7). Это, однако, не подтверждается выводами автора, которая ссылается на статьи 10 и 16 не для полноты информации, а, скорее, в порядке отдельного утверждения. Поэтому в данном случае нет оснований для применения принципа экономии средств.

2. Что касается существа жалобы, то можно поспорить с утверждением о том, что заявление по статье 10 относится к параллельной ссылке на статью 7. Комитет, как и другие международные суды, правовые стандарты которых не содержат особой статьи, касающейся условий содержания под стражей, и в самом деле все чаще имеет тенденцию рассматривать эти вопросы с привязкой к статье 7 и в контексте обсуждения жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Автор сообщения, однако, четко различает в данном случае два аспекта: с одной стороны, насильственное исчезновение, само по себе являющееся нарушением статьи 7 Пакта (пункт 3.5), и, с другой стороны, описанные в большом числе документов, в частности в решениях Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (пункт 3.7)^a, ужасающие и бесчеловечные условия содержания под стражей в лагере в Омарске, куда был помещен г-н Ичич. Поэтому было бы лучше, если бы Комитет констатировал нарушение статьи 10 отдельно.

3. Однако больше всего, как представляется, повод для критики дает решение не рассматривать утверждение согласно статье 16: с одной стороны, Комитет не оспаривает квалификацию обстоятельств данного дела как «насильственное исчезновение» (пункт 9.3), но, с другой стороны, он приходит к выводу, что нет оснований вынесения решения относительно утверждения о нарушении статьи 16, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2, Пакта. По нашему мнению, эти два заявления несовместимы, так как мы считаем, что любое насильственное исчезновение непременно предполагает нарушение статьи 16.

4. В статье 16 признается право каждого человека, «где бы он ни находился, на признание его правосубъектности». Подготовительная работа в связи со Всеобщей декларацией прав человека и Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах четко указывает на то, что понятие «правосубъектности» связано не просто с дееспособностью отдельных лиц, наряду с признанием права заключать контракты и брать на себя контрактные обязательства, а, скорее, с коллективным признанием правосубъектности, использованием

^a Автор ссылается на решение Трибунала по делу *Prosecutor v. Miroslav Kvočka et al.*, 2 November 2001 (case No. IT-98/30-1), para. 197.

индивидуальными правами и выполнением обязанностей^b. Таким образом, в статье 16 как норме международного права прав человека, вне всяких сомнений, самым непосредственным образом выражен принцип уважения человеческого достоинства: будучи человеком, каждое лицо имеет право на признание своей правосубъектности независимо от своей правоспособности (например, ребенок имеет право на признание своей правосубъектности, даже если он обладает ограниченной дееспособностью, препятствующей осуществлению всех его прав). Кроме того, как было отмечено Рабочей группой по насильственным исчезновениям, насильственное исчезновение представляет собой хрестоматийное нарушение права на признание правосубъектности личности^c. Начиная со своего первого доклада Рабочая группа рассматривала практику насильственных исчезновений как нарушение, в частности, этого права, и ее позиция по этому вопросу оставалась неизменной^d. Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений также признает эту связь в пункте 2 статьи 1, в котором говорится, что «любой акт насильственного исчезновения ставит лиц, подвергшихся такому акту, вне защиты закона... Он является нарушением норм международного права, гарантирующих, в частности, право на признание правосубъектности личности».

5. В течение длительного времени Комитет и правда не был, похоже, склонен к тому, чтобы учитывать этот аспект. Он решил констатировать нарушение статьи 16 в связи с насильственным исчезновением только в 2007 году – в своих заключениях в ответ на одно заявление^e. Два года спустя его примеру последовал Межамериканский суд по правам человека при рассмотрении дела *Ансуалдо-Кастро против Перу*^f. В целях поощрения и дальнейшего развития этой аргументации Рабочая группа решила в 2011 году принять замечание общего порядка о праве на признание правосубъектности личности в контексте насильственных исчезновений. В нем Рабочая группа установила связь между правом на признание правосубъектности и одним из аспектов насильственного исчезновения, а именно тем, что оно «ставит лиц... вне защиты закона».

6. В замечании общего порядка далее говорится следующее: «Это означает, что не только отрицается задержание и/или скрывается судьба или местонахождение лица, но и, будучи лишенным свободы, это лицо лишается любого права по закону и оказывается в состоянии правовой неопределенности, в полной беззащитности».

7. В нем также говорится следующее:

«Насильственные исчезновения влекут за собой отрицание правосубъектности исчезнувшего лица и вследствие этого не позволяют ему пользоваться всеми другими правами человека и свободами. Исчезнувшее лицо может сохранять свое имя, по меньшей мере, в тех случаях, когда рождение зарегистрировано (и за исключением случаев, когда данные о подлинной личности детей, которых забрали у родителей, подделываются, скрываются или уничтожаются), но оно не учитывается в сведениях о задержанных; отсутствует это имя и в книге регистрации актов о смерти. Исчезнувшее лицо

^b См. A. Verdoodt, *Naissance et signification de la Déclaration universelle des droits de l'Homme*, Louvain-Paris, Société d'études morales, sociales et juridiques, Editions Nauwelaerts, 1964, pp. 108–111. См. также Manfred Nowak, *United Nations Covenant on Civil and Political Rights. CCPR Commentary*, Kehl, N.P. Engel, 1993, pp. 282 and 283.

^c См. A/HRC/19/58/Rev.1, пункт 42.

^d E/CN.4/1435, пункт 184.

^e См. сообщение № 1328/2004, *Кимуш против Алжира*, Соображения, принятые 10 июля 2007 года; и № 1327/2004, *Грица против Алжира*, Соображения, принятые 10 июля 2007 года, пункты 7.8 и 7.9.

^f См. Inter-American Court of Human Rights, Ser. C, No. 202, judgement of 22 September 2009, paras. 90 and 91.

де-факто лишается своего места жительства. Его имущество замораживается в состоянии правовой неопределенности, поскольку никто, даже ближайшие родственники, не может распорядиться этим наследственным имуществом, пока не выяснится, что исчезнувшее лицо является живым, или пока оно не будет объявлено мертвым, т.е. "несуществующим"⁸.

8. Тот факт, что отдельное лицо оказывается вне закона, является ключевым аспектом, проводящим черту между насильственным исчезновением и другими формами лишения свободы, при которых право третьих лиц получать сведения о задержании подлежит ограничениям, которые в некоторых случаях могут быть существенными. Статьи 18, 19 и 20 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений задуманы с целью установить правовой режим права третьих сторон на получение сведений и определить таким образом контуры своего рода процедуры «хабеас корпус». В частности, в статье 20 говорится следующее:

«Только в тех случаях, когда лицо находится под защитой закона и когда лишение свободы контролируется судебным органом, право на получение сведений, предусмотренных в статье 18, может в виде исключения ограничиваться, исключительно в тех случаях, когда этого требует ситуация и когда это предусмотрено законом, и если передача этих сведений наносит ущерб частной жизни или безопасности соответствующего лица или мешает надлежащему проведению уголовного расследования, или же в силу других аналогичных причин, предусмотренных законом, и в соответствии с применимыми нормами международного права и целями настоящей Конвенции. Ни при каких обстоятельствах эти ограничения в отношении права на получение сведений, предусмотренных в статье 18, не могут допускаться, если они представляют собой поведение, определенное в статье 2, или нарушение пункта 1 статьи 17. Без ущерба для рассмотрения законности лишения свободы какого-либо лица государство-участник гарантирует лицам, указанным в пункте 1 статьи 18, право на оперативное и эффективное средство судебной защиты для получения в короткий срок информации, упомянутой в пункте 1 статьи 18. Это право на правовую защиту не может приостанавливаться или ограничиваться ни при каких обстоятельствах».

10. В этом кроется трудноразрешимая проблема Конвенции: как гармонично совместить существующую в некоторых случаях необходимость ограничения доступа к информации о каком-либо лице, лишенном свободы, и, следовательно, отказа в предоставлении такой информации, и настоятельную необходимость обеспечить, чтобы это лицо оставалось под защитой закона. Эта дилемма высвечивает центральное место, которое занимает факт «лишения отдельного лица защиты закона». Нарушение статьи 20, а именно полный отказ в праве на получение информации, равносильно на практике отрицанию самого существования пропавшего без вести лица в качестве субъекта права.

11. Из этого следует, что квалификация насильственного исчезновения лица как лишение свободы равносильно утверждению о том, что данное лицо поставлено вне защиты закона. Этот вывод из-под защиты закона внешне проявляется в полном отказе в праве на получение информации о лишении свободы, что обычно принимает форму «отрицания» факта лишения свободы или, по меньшей мере, «сокрытия данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица» (Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, статья 3).

⁸ См. пункты 1 и 2 замечания общего порядка о праве на признание правосубъектности личности в контексте насильственных исчезновений (A/HRC/19/58/Rev.1, пункт 42).

12. При подобном отрицании или отказе предоставить информацию исчезнувшее лицо становится как бы «несуществующим», низводится до состояния объекта в руках властей и лишается правосубъектности, что является нарушением статьи 16 Конвенции.

13. Поэтому нам представляется нелогичным вывод Комитета о том, что лишение свободы может быть квалифицировано как насильственное исчезновение и что ему следует воздержаться от констатации нарушения статьи 16.

14. Тот факт, что в данном случае насильственное исчезновение произошло не по вине государства-участника, никоим образом не влияет на этот вывод. Предполагается, что насильственное исчезновение произошло по вине «вражеских сил соседнего государства», действующих на территории государства-участника. Однако проблема заключается в невыполнении государством-участником его процедурных обязательств по статье 2. Насильственное исчезновение является катализатором ответственности государства-участника, но эта ответственность наступает в результате неспособности действовать с целью, в частности, предоставить родственникам исчезнувшего лица эффективное средство правовой защиты. Формулировка, выбранная Комитетом в Пункте 10 его выводов, вводит, несомненно, в заблуждение на этот счет, так как в нем говорится, что имеющиеся факты свидетельствуют о нарушении статей 6, 7 и 9, рассматриваемых в совокупности с пунктом 3 статьи 2. По сути дела, нарушен пункт 3 статьи 2, рассматриваемой в совокупности со всеми другими статьями, нарушенными в результате насильственного исчезновения (6, 7, 9 и 16). Мы считаем, что Комитет должен был сформулировать пункт 10 своих Соображений именно таким образом.